

ЕЛЕНА НОВАЯ

ПЕРВЫЙ СЕКС
-
ЭТО
БОЛЬНО

18+

Елена Новая

Первый секс – это больно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69718009

SelfPub; 2024

Аннотация

Первая любовь и первый секс. Надя встречает опытного человека и влюбляется в него. Он обучает ее всем прелестям интимной жизни. Книга написана в особом стиле, без пошлости и более литературно. Не судите строго. Пишу в этом стиле первый раз, поэтому ставлю минимальную цену. Надеюсь, вам понравится. P.S. Все лица, вступающие в половые отношения, достигли совершеннолетия.

Содержание

Предисловие	4
Бунтовство девственницы	10
Пойманная на месте преступления	16
Ночь на морозе	23
Откровенный разговор	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Новая

Первый секс – это больно

Предисловие

Московская область. Конец мая. В элитном трехэтажном доме, служившем семье Михайловых убежищем от летнего городского зноя, задымленности и человеческой суеты, сегодня праздник: Наде – 16 лет. Кучерявые, черные волосы беспорядочно, вместе с тем аккуратно, падали на отдающие блеском черного бриллианта глаза и бережно ложились с задней стороны на талию, своим изгибом напоминавшую фигуру взрослой соблазнительницы, нежели подростка.

Обширное празднество, конкурсы, поздравления, восторженные возгласы ведущего и гостей, взгляды мальчиков-сверстников, задерживающиеся на имениннице и тут же стыдливо убегающие, встретившись с ответным взглядом, – это все наскучило девочке, считавшей подобное мероприятие и окружение забавой для детей, и она незаметно скользнула в дверной проем, ведущий к лестнице, и отправилась в рабочий кабинет своего отца. Отец ее – человек деятельный, занятой, в распоряжении которого не один крупный бизнес.

Именно потому, что живет своим делом, он немногим раньше дочери удалился с праздника в честь ее шестнадца-

тилетия. Зарубежные коллеги подшучивали: «Ростислав, когда ты учился говорить, то первым словом было не «мама», а «money». Впрочем, Ростислав Семенович, невзирая на успехи и статус в обществе, отнюдь не кичился своим положением, даже наоборот, испытывал неловкость, получая похвалу, и благодарил бога за все, что имеет.

Почти 16 лет тому назад у Ростислава за душой не имел ничего, кроме ремесла в виде периодической перепродажи ношенных вещей и холодно относящейся к нему жены, которую он любил всем сердцем и мирился с ее характером.

Супруга опустила руки в своих тщетных стараниях помочь мужу преодолеть бедность, брак трещал по швам, как вдруг появилось то, чем можно его хотя бы попытаться заштопать, – беременность. С той поры отец будущего семейства видел, как его благоверная расцветала, подготавливая себя к роли матери, облагораживала быт и в глазах ее был тот огонь, который грел Ростислава первые месяцы их знакомства.

Благодарный небесам за такие преображения будущий отец обрел жизненные силы, уверенность, смысл бытия, и главное – надежду. Вопрос о выборе имени девочки – если родится девочка – даже не стоял.

Годы шли, бизнес рос, малютка – вместе с ним, отношения супруги к избраннику вернулось в прежнее состояние арктического климата, а виной всему – внезапное появление в ее жизни человека, к которому она питала чувства еще

в школьные годы. Так их пламя любви разгоралось на углях семейной жизни, и Ростислав, получив опеку над дочерью, оставил попытки сохранить хоть осколки разбившегося о быт брака и стал прививать дочурке семейные ценности, принципы, верность и нравственность; не без божьей помощи, как говорится.

Поднявшись на второй этаж, ступая по мягкому густо-сиреневому ковру, прятавшего звуки ходьбы, Надя размышляла, верно ли то, что прививает ей отец, правильно ли она делает, послушно внимая каждому его слову и наставлению, хочет ли она всего этого или это – исключительно очередная реализация желаний родителя.

– Безумно рад нашему сотрудничеству, – звонкий голос отца вырвал из раздумий девочку, настолько углубившуюся в свои мысли, что она прошла чуть дальше кабинета.

– Соглашение – здравый выбор в этой ситуации, перспектива долгосрочных вложений обеспечит стабильную и крупную прибыль, – приятный мужской голос взбудоражил нутро юной девушки.

Мурашки войском штурмовали каждую клетку на ее коже, внезапно сердце загло, оно забилось с невиданной силой, как бывает у человека, испытывающего сильный страх. Но это был не страх, а что-то... что-то такое, чего еще девушке не приходилось ощущать. В то время как Ростислав Семенович и его деловой партнер продолжали беседу, Надя силилась вникнуть в предмет их разговора, но слова текли в

уши, не задевая разума. Ей завладело неумолимое желание взглянуть на обладателя голоса, она не могла понять свою реакцию, свои ощущения, а найти ответ пыталась, хотя бы посмотрев на этого человека.

Девушка украдкой стрельнула глазами в узкую дверную щель, однако этого хватило оценить обстановку внутри комнаты: собеседник отца «утопал» в расположенном спинкой к выходу глубоким и мягком кресле, да так, что видна была лишь макушка его светловолосой, почти серебристой, головы.

Это малое знание, не давшее никакого ответа, только усилило тягу Нади к новоиспеченному объекту ее интереса. Может ли голос – всего лишь звук – так всколыхнуть нутро человека, словно внутренние органы поменялись местами?

Молодая особа была в замешательстве, никак не решаясь выбрать что-то одно между двумя противоположными действиями: найти предлог и вмешаться в беседу или тихонько, не давая себя раскрыть, подслушивать, пока господина не покинут помещение.

«Скажу папе, что гости хотят поблагодарить его за мое появление на свет. Глубокий вдох, резкий выдох, глубокий вдох, резкий выдох», – Надя готовилась войти, как послышался звук отодвигаемого кресла и влекущий голос, освободивший нерешительную девчонку от принятия решения:

– Вот увидишь, первая радость от инвестиций поджидает тебя буквально за дверью, Слава!

За дверью же в это время металась девица, олицетворяя панику, точно фенем загнанная в угол кошка. Ничего лучше, кроме попыток оторвать одну из пуговиц на торжественной блузке, бедняжке не пришло в голову. И удалось ей это за пару секунд до появления мужчин в коридоре.

– О, я же говорил, что за дверью будет... кхм-кхм... плоды твоих инвестиций, правда... здесь они несколько иного формата, но... должен признать, что дивиденды впечатляют, – уверенно начав, Степан смутился от вида напуганной девочки, впрочем, он не смог не отметить ее природной красоты на своем языке, языке терминов из технологии продаж.

– Что случилось, солнышко? – вопрошал Ростислав, удивленный появлением дочери, которой несвойственно появляться возле кабинета во время его переговоров.

– Я? А я... просто, да вот, – Надя показала «оторвавшуюся» пуговицу, – Иду переодеться, – и удалилась, шепотом ругаясь на себя за неловкость момента и в отдалении слыша просьбы отца в адрес коллеги «не пошлить при дочери».

Тот момент разделит жизнь Нади на «до» и «после». В течение двух лет Степан появлялся в городской, просторной, богато мебелированной и декорированной квартире Михайловых все чаще – то по делам, то на дружескую беседу с Ростиславом.

Чем чаще Степан посещал их жилище, тем больше девочке напоминал отца, пусть и выглядел он – таковым и являлся – моложе на десяток лет, прежде всего внешностью: те же

черные глубокие глаза, необремененное интеллектом выражение лица, словно искусно выточенное мастерами своего ремесла; ровная, стройная осанка, придававшая росту и стати и без того рослому и статному человеку.

Исключением были волосы: если кудри отца только начинали серебриться у виска, то слегка волнистые волосы его товарища блестели сединой, покрывая всю голову, что отнюдь не делало его стариком, даже наоборот – эта особенность завершала образ, образ серьезно настроенного человека, но не чурающегося праздного образа жизни и различных авантур.

Поначалу девушка, стеснявшаяся новых знакомств, закрывалась от бесед и готова была прятаться, как страус прячет в песок голову, от взгляда мужчины. Отец временами обращался за помощью к товарищу, если тот был свободен, присмотреть за дочкой; постепенно в ней росла смелость, страх открыться и присущее с детства целомудрие и боязнь даже говорить о чем-то безнравственном отходили на второй план.

Они со Степаном немало шутили, кокетничали на грани флирта, но границ дозволенного не нарушали. Каждое появление Степана в доме ознаменовывалось для Нади едва ли не праздником, которого она долго ждала, но который известен лишь ей. Она строила планы на день встречи: подбирала темы для бесед, чуть ярче красила губы, подбирала менее прикрытые наряды; чем ближе мужчина и девочка становились друг для друга, тем выше от колена бежали ее платья.

Бунтовство девственницы

В один из таких дней Надя открыла для себя: она уже долгое время испытывает то, что называют влюбленностью. Чувство, чуждое ей, в силу воспитания и избирательности отца в отношении круга общения для своей вечной маленькой дочери. Одновременно с этим с ее чувства напоминали желание вкусить запретного плода, пойти наперекор отцовским взглядам, не приносящим девочке ни практической пользы, ни душевного покоя.

Когда Степан уезжал, то, казалось ей, желание должно сходить на нет, но их разлука принуждала ее к обострению ощущений, к одержимости идей, что попробовать этот плод необходимо. Вдоль и поперек насытившаяся своим образом жизни, она укреплялась в намерении отобедать влекущим блюдом в компании человека, умеющего его готовить, и при мысли о котором, трудно сдержатъ рефлекторное слюноотделение.

Трудно сказать об интересе подобного рода со стороны Степана, но обладающий опытом взаимоотношений между женщиной и мужчиной, он наверняка считывал сигналы симпатии в свою сторону, а посему старался отдаляться, завидя их, в угоду сохранения его партнерской, ставшей дружеской, коммуникации с Ростиславом.

Тем не менее связь между девушкой и мужчиной распа-

далась по правилу «я к тебе шаг, ты от меня – два», а, спустя пару лет после первой встречи, Степан перестал быть даже редким гостем в их квартире, ставшей для Нади теперь не столько обширной и просторной, сколько пустой – по аналогии с внутренним состоянием девочки.

Близились экзамены, какую-то часть учащихся школы грело будущее поступление в престижное учреждение, иные пребывали в беспокойном состоянии относительно продолжения учебы.

Надю, несколько дней назад отметившую свое совершеннолетие, нельзя было причислить ни к тем, ни к другим, она полностью автономна. Коллектив в классе, по ее мнению, далек от забот и тех дум, насыщающих ее черепную коробку. Не потому, что она считает себя особенной, исключительной. Интегралы, распад Римской Империи, проходной балл, законы Ньютона – как можно об этом задумываться, когда главный закон – быть с тем, с кем хочешь, – не соблюдается?

Одноклассники, «параллельники», ребята постарше, готовые устлать дорогу лепестками, меркнут в сравнении с тем, как вел себя Степан, что он говорил и как он это говорил. Наде, при всей ее скромности, ровесники всегда казались неинтересными, неодухотворенными, обожатели – скучными, похотливыми, а в контексте двух последних она пришла к убеждению, что сама такова, просто не было предпосылок проявить это.

Аромат сирени, распускающиеся цветы, пение птиц – все

это в совокупности положительно влияло на самочувствие и общее эмоциональное состояние девушки.

Весна, как подумала Надя, символизирует запуск новых или находящихся в режиме паузы начинаний не только в природных явлениях, но и в жизни любого человека.

В голове роились мысли из категории психологии взаимоотношений между двумя полами, а главная из них: “Чтобы забыть конкретного человека, вам нужен другой”.

Прекрасно осознавая высокую степень неодобрения отцом подобного рода действий, девушка приняла – а иного варианта и не допускалось – умолчать о своих задумках и планах, хотя прежде такого отстраненного от родителя поведения она не могла себе позволить, более того – даже не задумывалась об этом.

В какой-то статье, прочтенной девочкой на зимних каникулах, говорилось о таком явлении, как “бунтовство девственницы”, суть которого в том, что какое воспитание не прививалось бы представительницам слабого пола, едва ли не каждая отступит от него в угоду поощрения своих желаний, продиктованных гормональным всплеском. Особенно явно – чем крепче сдерживающий кулак, тем сильнее сопротивление. Проблема отца урегулирована молчанием, решение проблемы сердечной – на начальной стадии.

Первое, что нужно сделать на пути избавления от чувств к Степе, неосязаемые руки которого, словно кандалы приковывают пленника к месту заключения, держали ее серд-

це; руки, столь далекие и столь желанные, чтобы утонуть в их объятиях и уподобиться беззащитному котенку в ладонях спасителя.

“Чтобы забыть парня, мне нужен другой” – мысль, которую Надя попросила бы сделать эпитафией, если бы прямо сейчас отправилась к праотцам. Благо, что потенциальные партнеры изобилуют выбором. Не вслушиваясь в напутственную речь классного руководителя о предстоящих экзаменах, девушка со всей вовлеченностью в процесс перебирала в голове, отсеивая одного за другим, почитателей своей привлекательности, остановившись на одном – Олеге. Его она и решила перевести из ранга поклонников в статус благоверного.

Случайное знакомство с этим молодым, приблизительно двадцатилетним, скромно, но стильно одетым, голубоглазым, улыбчивым парнем, в кафе, не сулившее поначалу ничего, кроме одной беседы, стало обрастать перспективой.

“Переписка, а дальше посмотрим”, – объявила девушка, покидая заведение, служившее местом их знакомства около месяца тому назад. С переписки Надя и продолжила те лишние смыслы разговоры, насыщавшие их диалоговое окно, и предложила встречу в этот же день, часом позже. Как она и прогнозировала, Олег охотно согласился.

Последняя пятиминутка, резиной тянувшаяся, чуть ли не свела с ума девушку, готовую на бунт: бунт против своих чувств и отцовской воли. Как и обговаривалось, часом позже

Олег ждал ее на входе в общественный парк, приветливо, с ноткой игривости, улыбаясь и держа в руках букет цветов, название которых Надя не знала. Как и ее идеи насчет перевода парня в более достойный статус, его внешность привиделась ей уже не “вполне ничего такой”, а очаровательной, что подтверждало обоснованность выбора и уводило от ключих мыслей о Степе.

– Отлично выглядишь, цветешь подстать весне! – обрадовался Олег, не скрывая своей симпатии, и его видимый настрой на приятное времяпрепровождение, в свою очередь, радовал будущую спутницу.

– Привет, – улыбнулась Надя, чей день становился лучше и лучше.

– Как прошел день? – буднично интересовался Олег.

– Ощущение, что он только начинается, – кокетливо заметила Надя. – Здорово было бы повеселиться после скучного утра в школе.

– Думаю, неплохо было бы сначала слопать по мороженому в такой жаркий день, – произнес Олег с видом человека, уверенного в целесообразности своей идеи.

– Да, это мысль, – ребята двинулись по направлению к ближайшему ларьку с мороженым.

Пока молодые люди прогуливаясь, девушка неоднократно молчаливо отмечала взгляды Олега: на ее шею, в прикрытую тонкой кофточкой область груди, он даже иногда чуть отставал от нее, видимо, оценивая полностью ее параметры.

Чем ниже опускалось солнце, тем более волнующейся чувствовала себя Надя: она уже поняла, что является желанной для своего кавалера, именно этого она и хотела, но в глубине ее еще ничем не замаранной души, бушевали сомнения, страх перед неизвестным заставлял дрожать все тело.

Парень будто понимал, в чем причина, такого поведения, предпочитая флирту и интимным беседам, нежное поглаживание ее спины и темных кудрей в то время, когда она мирно посиживали на скамейке.

Пойманная на месте преступления

Весенний ветер позднего вечера, бесцеремонно влетая в открытое окно престижной многоэтажки, вносил с собой аромат весенних цветов, не забыв прихватить запах городского смога и пыли.

Олег, прижав девушку к стенке своим телом, запустил одну руку в кучерявые локоны, другой – придерживал талию робеющей подруги – и горячо впился своими губами в ее полные желания соединиться губы.

Коснувшись манящих и пугающих губ, Надя ощутила, будто ее обдало электрической волной, она покрылась мурашками, быстро перебирающими по всему телу и круживших голову, но просить прекратить она не намеревалась, неумело подстраиваясь под движения языка молодого человека.

Рука Олега извилистой размеренной змеей прогуливалась по спине девушки, то заползая под кофточку, то покидая скрываемые ее красоты. Надя не замечала ни прохладного ветра, ни запаха дыма попеременно с ароматом растений, ни гула машин – она игнорировала все, что не включала в себя пара квадратных метров ее подъезда, где она готовилась – и уже этого совершала – предаться, как сказал бы ее отец, греховным делам.

Ладонь юноши скользнула в очередной раз под одежду и

ловким движением человека, щелкающего большим и указательным пальцем, расстегнула лямку лифчика, плавно и нежно продвинулась от спины к груди. Он не торопясь поглаживал ее левую налившуюся кровью грудь, Надя учащенно задышала, словно этим действием он включил ее сердце, а языком парень уже ласково облизывал ее шею, иногда обнимая губами.

Такая картина предстала Ростиславу Семеновичу, вышедшему из лифта на площадку и бросившего осуждающий и изучающий взгляд на молодых любовников, с одной стороны, пытаясь узнать в них свое чадо, с другой – не желая этого. Он, как думалось его дочери, был уже несколько часов как дома, а посему столкновение с его уничижительным выражением глаз окатило ледяным душем опороченную – какой он ее почитает, и он ее таковой точно сочтет, – очерненную прелюбодеянием, представшую отцу чуть ли не в неглиже девушку.

– Па... – одного ее выдавленного слога оказалось достаточно для погружения в ужас.

Голову Нади, крутящуюся безумной каруселью, посетило лишь одно желание – оказаться где угодно, только бы не быть здесь. Отец – словно старался установить мировой рекорд по спокойствию в стрессовых ситуациях, но ему явно не доставало тренировок, ведь ранее с подобным позором дел он не имел; бизнес есть бизнес, а увиденное не что иное, как личная трагедия.

Каждым вдохом, силясь совладать с гневом, он приближал миг расправы или пощады, а чего именно – дискредитированная девушка не понимала, этот случай – событие, не имеющее примеров прошлого.

Замок нравственности – так виделась Ростиславу дочь – трансформировался в песочный, демонстрируя глубокое и мгновенное разочарование предка. Между тем, Надя и впрямь копировала поведение песка, неумолимо выскользая из рук Олега, решительно стремясь рассыпаться на пол. Стремления юноши удержать от бесповоротного падения (во всех смыслах этого слова) хватило на десяток секунд, после чего он, рысью помчался вниз, бросив обессиленную избранницу на произвол отцовской кары.

– Оденься – и домой. – мужчина негромко наказал своей горе-наследнице и удалился в квартиру.

Тишина голоса Ростислава еще больше запутала Надю, за каких-то пару минут успевшую измучиться вопросом своего дальнейшего существования. «Уж лучше бы закричал», – рассчитывала она.

Собрав ошметки ощущения своей материализованности, огорошенная девушка двинулась на непослушных, будто чужих, ногах следом за отцом, попутно приводя свою одежду в надлежащий вид.

Беспрецедентность произошедшего эпизода и растущая от неизвестности исхода паника в сознании Нади делали ее – в ее же глазах – приговоренным, идущим на плаху, со-

вершившим непростительное преступление врагом государства.

«Сказать клишировано? Что это не то, о чем он подумал?» – она искала оправдания, стараясь выдать имеющуюся ситуацию за чистой воды случайность. «Лучшая защита – нападение. Но чем я могу его задеть?» – Надя сразу же откинула подобный вариант, не желая полностью рушить уже подорванные отношения с родителем. «Что будет сейчас и как жить дальше? Как мне все исправить? Наверно, я во всем ему сознаюсь, самой станет легче.» – осознанность поступка иголкой пробила через стог сумбурных, спутанных оправданий.

В будущем однозначно пришлось бы посвятить отца в свои желания, поведать ему о различиях идеологий, о выборе каждого человека. Тем более, Надя чувствовала даже не вину перед ним, а разочарование от факта их с Олегом обнаружения.

«Да, он бы точно обо всем узнал, но лучше бы от меня! Не такой ценой!» – Досадовала девушка на стечение обстоятельств.

Внутри квартиры было так тихо, что Надя слышала, как кровь бежит по головным ее сосудам. Она сняла босоножки, скинула на прихожую сумочку и, скрестив пальцы, неспешно последовала к дальней комнате-кабинету отца по длинному коридору, сейчас особенно похожему на тоннель. В точке Б, ознаменовавшей окончание внутриквартирного маршрута

девушку не ожидало ни наказание, ни его исполнитель. Тишина оглушала ее сильнее городского шума и криков посетителей концертных залов, и к горлу подступил ком, величина которого не позволяла даже проглотить слюну неумного волнения. «Наверное, в гостиной», – предугадывала Надя местоположение ожидающего ее отца и неспешно туда отправилась.

Посреди украшенной дорогими эксклюзивными картинами, чучелами редких животных, фотографиями с небезызвестными личностями, застыв на широком кожаном диване, отец смотрел строго перед собой и в никуда одновременно.

– Пап, – Надя пыталась окликнуть отца, но могучий ком в горле позволил выйти одному лишь воздуху.

– То, что хочешь сказать, не имеет смысла, – Ростислав заговорил, опережая желавшую объясниться дочь. – Я вложил в тебя душу, а ты в нее смачно плюнула. Разве этого я от тебя хотел? Разве ты сама этого хочешь? – родитель подключил своего ребенка к разговору.

– Я... я не знаю, я не... – мысли каскадом обрушились на нее, да так, что для разговора приходилось прилагать титанические усилия. Впрочем, ответ она знала и страшилась озвучить, жизненно боясь следующей за ним реакции.

– Ты должна была стать не как эти все! – он обвел пальцем гостиную, словно там, помимо двух человек, находились все женщины, которых Ростислав считал порочными. – То, чем ты занялась с этим трусом, то, что я видел, ведет к печаль-

ным последствиям. Надо быть лучше, а не уподобляться похоти.

– Но ведь... я же как-то появилась на свет, – Надя пробовала разбудить отцовский рассудок.

– То было проявлением любви, – отец не кричал, он говорил твердо, уверенно, но в интонации улавливалась мировая скорбь.

– А может, у меня тоже любовь? – Надя задала ответный вопрос, который ей казался началом конструктивного диалога. Девушка, видя, что папа не настроен воинственно, уже не дрожала от страха, ощущение кома в горле улетучилось.

– Сядь рядом, – Ростислав плавным движением руки, по доброму пригласил дочь присоединиться. Та послушалась, и он начал без тени злобы, – Послушай, я ведь тоже был в твоём возрасте и не понаслышке знаю, какие химические процессы происходят в организме. Но это... Это не имеет никакого смысла, если идти на поводу у своих низменных желаний, то как можно считаться светлым человеком? Ты можешь разложить себя, не успев даже сформироваться. А я знаю немало подобных случаев. За все прожитые мной годы, единственной порядочной женщиной была твоя мать.

– Которая ушла от тебя к другому, – если вначале их беседы Надя не могла даже заговорить, то сейчас слова бесконтрольно вылетели из ее. Через секунду, взвесив сказанное, она вновь стала погружаться в состояние смятения.

Черт, – успела подумать девушка перед собой после того,

как отец резким взмахом ладони разрезал воздухом и всей ладонью, точно клинком, по касательной скользнул по щеке своей дочери.

Голова дернулась вправо, едва не переломив шейные позвонки, левую сторону лица загло так, словно на содранную кожу посыпали перцем. Лязг! Соседняя щека испытала те же сверхболезненные ощущения. В глубине сознания, в самой его толще, Надя отдавала себе отчет в том, что необдуманная резкость изречения и привела к такому исходу, однако вопрос сохранения самообладания уже имел ответ, который девушка, воспряв духом, выпалила:

– Да ты ни хрена и не знаешь о чувствах! Если бы знал, то давно мог бы понять мои, а не пытаться воспитать меня так, как хочется одному тебе!

– Как ты сме... – оборвавшись на полуслове, суровый отец встал с такой силой, что едва не опрокинул диван.

Надя вскочила, не дав шанса разгневанному отцу на реализацию следующего эмоционально затеянного шага и молниеносно помчала в направлении выхода, забыв по дороге обувь защитить ноги от предстоящего, не известно куда ведущего, бегства.

Ночь на морозе

Вспоминая, как по ее пальцам тек пломбир накануне вечером, как по пальцам струхнувшего Олега были полны готовности течь ее телесные жидкости, растрепанная девушка обнаружила, что жидкости, из нее текущие, струятся из совершенно иных «проемов»: слезы, как никогда горькие на вкус, подобно раствору для красок в руках неумелого художника, малевали мольберт, коим было ее лицо, превращая прекрасную картину в грязную лужу.

Впервые отец предстал в такой чертовской ярости. Возможно, даже он себя таким прежде не видел. Надя не жалела ни о чем, взрастив в себе всеобъемлющее чувство правоты: как бы она не поступила, что бы ни делала, родной отец не может так поступать.

Она утвердилась в мысли, что если стрелки часов можно было бы повернуть вспять по мановению маховика времени к тому моменту, когда папа застал ее за актом прелюдии; что если бы все завершилось родительским рукоприкладством, то она забыла бы слово «страх» и вела себя с Олегом максимально откровенно – так уж ей это пришлось по нраву. Бегом пересекая улицы, проулки, дворы и арки, Надя отсылалась к въевшейся мысли: она всегда была похотлива, но не имея обстоятельств и крепости духа проявить это. Вместе с этой мыслью она развивала похожую: отец всегда был тира-

ном, но имел причин проявить это.

Окончательно обессилив физически, Надя рухнула на скамейку в незнакомом ее дворе, неведь в каком районе, неосведомленная о времени. Девушка никогда ранее не была в столь поздний час на улице без родительского надзора. Слезы прекратили приливать, и упомянутая грязная лужа на лице, подсохнув, приняла вид слякотного месива. Выжатый напрочь лимон, лишенный всякого сока – если можно так назвать ее самочувствие, то сок – это всяческая жизненная энергия.

«На улице спокойнее, хоть и холодно», – успокаивала себя Надя, от безысходности расположившаяся вдоль лавочки и мирившаяся с тем, что спать ей предстоит здесь. Ни телефона, ни босоножек, ни сумочки – ничего. Она одна под холодным покрывалом ночи, застлавшим дома, торговые центры, трамвайные провода.

Холод неизвестного прежде и похожего на множество других района скоро сойдет на нет, в точности – утром. А мороз, поджидающий девушку, по возвращению домой вряд ли поддастся корректировке, не говоря уже о сохранении умеренной температуры.

Так думала Надя, так она искренне считала, принимая во внимание принципиальность и нетерпимость отклонения от принципиальности отца. Обдумывая то, на что еще хватало силенок, девушка, обездвиженная температурой воздуха и текущим микроклиматом в семье, провела не менее двух ча-

сов на неудобной, непривычной скамейке.

«Может вернуться домой» – подсказывал ей инстинкт самосохранения. «Бунтовство девственницы», даже не проявившись толком, виделось ей уже непоправимой революцией, но можно ли избежать гражданской войны?

– Эй? – знакомый голос вырвал Надю из раздумий.

Девушка, так сильно желавшая поддержки и помощи в этот момент, пожелала второй раз в течение дня провалиться сквозь землю.

– Надь, ты? – мужчина выразил жест, претендующий на запрос, касающиеся узнаваемости его со стороны девушки.

Заплаканная и обессиленная девчушка не верила своим глазам, а, может быть, хотела не верить: перед ней – недоумевающая, приближающаяся фигура Степы, человека, присутствие которого было всегда было необходимым для нее, но только не сейчас. «Почему именно в таком виде?», – девушка обрушивала судьбу этим вопросом.

Тот поднял девушку на ноги уверенным и не лишенным родительской заботы жестом, вглядываясь в сокрытое потекшей тушью лицо, дабы удостовериться в том, что ему не почудился в объятиях ночи образ другого человека – не того, к какому он мог так по-отечески отнестись.

Степан, озадачившись и даже испугавшись положением Нади, схватил ту в охапку и начал нашептывать какие-то жизнеутверждающие фразы в духе «все будет хорошо» в ее черноволосую макушку. В мыслях его пролетали предполо-

жения о том, что же могло случиться: от конфликта с друзьями до трагедии со смертельным исходом в семье. Вторая, внезапно пришедшая в голову, так же стремительно и покинула ее.

– Что случилось? – подозрительным шепотом поинтересовался Степан в то время, как Надя пробуждала в себе утраченные силы, находясь в его руках.

– Ничего, – безразличноотреагировала девушка.

– Как ты оказалась тут? Эм, ладно. Поехали, я отвезу тебя домой.

Степан, не догадывающийся о том, что послужил, хоть и косвенно, причиной их с Надей внезапной встречи, не намеревался погружаться в подробности ее ситуации, рассчитывая лишь увезти ее домой к отцу, к своему товарищу.

– Нет! Я не поеду! Только не туда! – Надя, внезапно нашедшая в себе силы, резко отпрянула от предлагающей помощь руки. Ее настрой был полным решительности и уверенности в правильности решения; она уже не противилась тому, чтобы оказаться дома, но принимать благоденствие Степы напрочь отказывалась.

– Ну, хорошо, – мужчина не стал сопротивляться настрою терявшей самообладание девушки. – Но ты же понимаешь, что, увидев тебя в таком состоянии и в таких обстоятельствах, не могу оставить тебя здесь? – риторический вопрос сократил объем выбора девушки, и она предложила:

– Можно переночую у тебя? – Надя неожиданно для се-

бя озвучила мысль, которую хотела бы услышать от своего спасителя, внезапное появление которого мерно согревало ее изнутри. Тот факт, что Степан не хаял ее облика, придал девочке инициативности, поэтому она решила без промедления задать этот содержащий надежду вопрос.

Будь на ее месте любая другая жертва положения вещей, любящий и утопающий в женском внимании мужчина согласился бы поставить свою подпись в контракте на роль локального Супермена, но в то же время не мог подвести черту в дружеских отношениях с Ростиславом Михайловым, признавая влекущую наружность дочери второго, которую он по достоинству оценил еще в момент первой встречи и от которой в свое время и предпочел отдалиться.

– Не вопрос, только твоему отцу позвоню, предупрежу.

– Не надо! – противостояла девушка любым словам, в которых фигурировала слово «отец». – Позвоним, когда приедем, – добавила она, заведя вопрошающий взгляд Степы.

– Ладно, так и сделаем. Голодная? – не без внимания к собственной учтивости спросил мужчина.

Надя утвердительно кивнула, чувствуя себя преданной отцом, чувствуя, как сама едва не предала свои чувства к Степану. Удивленная предоставленному ночлегу и его – крайней мере, сейчас – решению «не выдавать» девочку Ростиславу, Надя искала в своих слабо функционирующих извилинах способ благодарности; и то, что привлекало ее искренний интерес и резонировало в душе, она сразу же отбросила,

трезво ссылаясь на бредовость мыслей.

Если бы не произошло такой совершенно не прогнозируемой встречи сейчас и здесь не случилось, то Надя, вернув себе эмоциональную стабильность, тотчас предприняла бы еще одну попытку выстроить с каким бы то ни было парнем коммуникацию романтического и откровенного характера. Впрочем, встреча уже произошла, и человек, чувства к которому она, буквально выпрыгивая из собственных штанов, стремилась подавить, оказался в текущий временной отрезок самым радушно расположенным к ней.

– Ну, поехали тогда. – Степан жестом указал на черную массивную машину, расположенную в тридцати метрах от них. Марку и модель Надя не знала, но в кино на таких ездят особо важные люди, возможно, представители олигархических или близким к ним кланов. – Садись на переднее, – продолжил инструктировать девушку ее непредвиденный оберег от истошающей холодной ночи.

– Влажных салфеток бы, – Надя почти шепотом выразила намерения привести себя в порядок, очистить уже не казавшееся ей самой привлекательным лицо, смыть притупившуюся боль нынешней ночи.

– Щас. Я найду аптечку, вроде в ней лежат салфетки – Степан, усевшийся на водительское место, начал рыскать в бардачке. Руки, находившиеся столько близко к коленям девушки, отвлекали ее от изучения салона и приковывали куда большее внимание, нежели непонятные кнопки, огонь-

ки, спидометры и прочее. – Ага, вот она, – Степан достал небольшую коробку, содержащую в себе средства первой медицинской помощи, и слегка приподнял ее перед надидным лицом, как бы демонстрируя трофей. Открыл, комфортнее расположившись в своем кресле, и выудил среди прочего скромную упаковку влажных салфеток, которую не глядя передал в руки пассажира, не забывая при этом убрать аптечку в свой «домик» с ловкостью и многозадачностью, присущими водителям микроавтобусов.

Меж тем, Надю, уже ощутившую приливы тепла и уюта, все еще потряхивало, но уже не столько от пережитых потрясений, сколько от холода.

– А, давай я сам, – предложил мужчина, вдруг заметивший некую недееспособность девушки. Замешкавшись на четверть минуты, она протянула ему салфетку и безмолвно заключила девиз остатка дня: «хватит уже запариваться над своими действиями, обдумывать каждый шаг, я устала и теперь хочу просто отдохнуть, даже от своих мыслей».

С видом ювелира, даром Степан носил фамилию Яхонтов, любящего свою деятельность и рассматривающего сейчас исключительно драгоценное украшение, джентльмен мягко проводил рукой, освобождая хорошенькое личико от тягот, которые тому выпало прочувствовать.

Откровенный разговор

Надя, прежде усиленно мечтавшая о прикосновениях его ладоней к ее лицу, получила один из сокровенно желаемых подарков, пусть и несколько в иной обертке. Закрыв глаз и забывшись в фантазиях, она согревалась в его руках, словно в лучах южного солнца, и, подстраиваясь под ритм движения кистей, и неконтролируемо тянулась губами к пальцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.